

**Ее жизнь их глазами.
Размышления по поводу книги А. Коревановой
«Моя жизнь» (1936), возникшие под влиянием переработанного
издания «Ее жизнь» (2020)**

Н. В. Веселкова

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

Аннотация

Статья представляет собой опыт рефлексивного прочтения автобиографической книги уральской «работницы-крестьянки» Агриппины Коревановой «Моя жизнь», выпущенной в 1936 г. московским издательством «История заводов», с использованием методики анализа нарратива посредством четырех чтений, последовательно фокусирующих внимание на сюжете и реакции читателя, Я рассказчика и голосах Других, на культурных контекстах и социальных структурах. В качестве контекста привлекаются отклики в прессе, переписка Коревановой с издателями и другие архивные материалы. Особое место в этом большом гипертексте занимает переработанное в рамках учебного студенческого проекта Уральского федерального университета произведение, вышедшее в 2020 г. под названием «Ее жизнь». В нем ставка сделана на актуальности травмоговорения и сугубо личной истории Агриппины, что дает основу для полемического обсуждения.

Особенностью повествования, которая в свое время «не поддалась» таким маститым редакторам, как А. Тихонов и М. Горький и которую пытаются устранить современные издатели, является недостаток связности, системности изложения. По мнению автора статьи, эта характерная некогерентность высвечивает заложенное в конструкции текста стремление совместить страдательную роль героини с ее неиссякающей активностью.

Главной и наиболее интересной темой представляется писательство и, шире, владение словом. Кореванова из всех сил стремилась в мир словесности и именно на этом поприще наиболее драматична отверженность ее автогероини и ее собственная: тут и безответные обращения за помощью в «писании» (сохранившиеся в ее архивном фонде), и сложные отношения с местным писательским сообществом, и, наконец, многократные редакции и сокращения, преследующие произведение и в наши дни.

Ключевые слова

А. Кореванова, «История фабрик и заводов», (авто)биография, (не)когерентность, человеческий документ, травма

Благодарности

Благодарю за полезные консультации Ю. Подлубнову, О. Климову и студентов – создателей «Ее жизни»

Для цитирования

Веселкова Н. В. Ее жизнь их глазами. Размышления по поводу книги А. Коревановой «Моя жизнь» (1936), возникшие под влиянием переработанного издания «Ее жизнь» (2020) // Сюжетология и сюжетология. 2021. № 1. С. 79–102. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-79-102

**Her Life through Their Eyes.
Reflections on A. Korevanova’s Book “My Life” (1936),
which Arose under the Influence of the Revised Edition
“Her Life” (2020)**

N. V. Veselkova

*Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russian Federation*

Abstract

The article provides an experience of reflexive reading of the autobiographical book of the Ural “peasant – worker” Agrippina Korevanova “My Life”, published in 1936 by the Moscow publishing house “History of Plants”, using the method of analyzing the narrative through ‘four readings’, focusing attention step by step on the plot and the reader’s reaction, the narrator’s I and the voices of Others, on cultural contexts and social structures. Press responses, Korevanova’s correspondence with publishers and other archival materials are used as context. A special place in this large hypertext is occupied by the revised work within the educational student project of the Ural Federal University, published in 2020 under the title “Her Life”. It focuses on the relevance of trauma talk and Agrippina’s purely personal life story, which gives a basis for polemical discussion.

The peculiarity of the narrative, which at one time “did not give in” to such venerable editors as A. Tikhonov and M. Gorky, and which modern publishers are trying to eliminate, is the lack of coherence and consistency. According to the author of the article, this characteristic incoherence highlights the desire inherent in the construction of the text to combine the passive role of the heroine with her inexhaustible activity.

The main and most interesting topic seems to be writing and, more broadly, mastery of the word. Korevanova struggled to enter the world of literature and it is in this field that the rejection of her auto heroine and her own are most dramatic: unrequited requests for help in “writing” (preserved in her archival fund), and difficult relations with the local writing community, and, finally, the multiple edits and shortenings that haunt the work today as well as in 1930s.

Keywords

A. Korevanova, “History of Factories and Plants”, (auto)biography, (in)coherence, human document, trauma

Acknowledgments

I am grateful for useful consultations to Yu. Podlubnova, O. Klimova and students – creators of the book “Her Life”

For citation

Veselkova N. V. Her Life through Their Eyes. Reflections on A. Korevanova’s Book “My Life” (1936), which Arose under the Influence of the Revised Edition “Her Life” (2020). *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, p. 79–102. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-79-102

«Мою жизнь» А. Г. Коревановой до сих пор знали, пожалуй, только узкие специалисты¹, и читать ее, как соглашаются знакомые историки и филологи, желания не возникало – уж очень официально-канонизированной казалась эта «автобиография 66-летней уральской работницы-крестьянки» (подзаголовок второго издания 1938 г.). «Ее жизнь» 2020 г. – «переработанное издание», подготовленное третьекурсниками журфака Уральского федерального университета в рамках учебного проекта кафедры издательского дела, не только хорошо читается само по себе, но и побуждает заглянуть в первоисточник. В моем случае изрядно подогрел интерес и разговор в Фейсбуке об особенностях этого «переиздания»². Списавшись с руководителем проекта О. В. Климовой, доцентом УрФУ и сотрудником издательства Уральского университета, где вышла «Ее жизнь», удалось пообщаться онлайн с ее подопечными, выдержки из разговора с которыми с согласия участников используются далее в анализе.

Статья представляет собой опыт рефлексивного прочтения изданного в 1930-х произведения «Моя жизнь» с учетом актуализации, предпринятой в 2020 г. Сложные чувства, возникшие при погружении в эти две книги, обусловили выбор аналитической оптики – с опорой на методику четырех чтений. Разработанный К. Гиллигэн и адаптированный Е. Трубиной [Трубина, 2002; Doucet, Mauthner, 2008], этот метод анализа нарратива последовательно фокусирует внимание на сюжете и реакции читателя, Я рассказчика и Других, культурных контекстах и социальных структурах. В такой логике рассмотрено первое издание «Моей жизни» (1936 г.) с привлечением в качестве контекста откликов в прессе, переписки Коревановой с издателями и других архивных материалов; особое место в этом большом гипертексте занимает «Ее жизнь» 2020 г., которой посвящены последние разделы статьи.

Первое чтение – ради сюжета и реакции читателя – слегка расширим, начав с истории успеха «Моей жизни». В 1933–1934 гг. отдельные главы печатались в семи (!) номерах выходившего в Свердловске литературного журнала «Штурм», на Первой конференции советских писателей Урала в июне 1934 г. Кореванову отметили премией в 1500 рублей³.

В августе 1934 г. участники I Съезда советских писателей в Москве по призыву Ермилова приветствовали «пролетарскую писательницу, красногвардейку и партизанку т. Кореванову» продолжительными аплодисментами [Первый Всесоюзный съезд..., 1934, с. 165]. Агриппина Гавриловна стала не просто членом ССП, но вошла в состав ревизионной комиссии, а в марте 1935 г. уже сама выступила

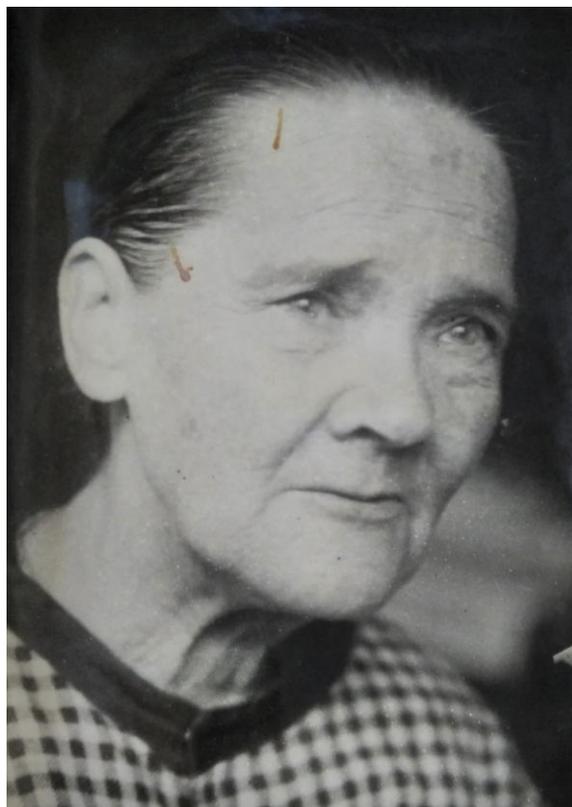
---

¹ С 2000 г. часть текста доступна на английском языке в сборнике под редакцией Ю. Слезкина и Ш. Фицпатрик [Korevanova, 2000], позднее Фицпатрик использует свое введение к этой книге в работе «Срывайте маски!» [Фицпатрик, 2011; Fitzpatrick, 2005]; в 2013 г. на «случае Коревановой» подробно останавливалась Ю. Подлубнова, она же написала вводную статью к «Ее жизни» [Подлубнова, 2013; 2020].

² Юлия Подлубнова. Фейсбук. 01.10.2020. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=3460031370729515&id=100001680574335 (дата обращения 06.01.2021).

³ ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 83. Л. 40 об., см. также [Подлубнова, 2013, с. 774]. Для сравнения: персональная пенсия Коревановой составляла 75 рублей (ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 47. Л. 48). Самую большую премию, 3000 рублей, тогда вручили автору романа «Я люблю» А. Авдеенко, было еще две премии по 2000 и четыре по 1000 рублей [О распределении фонда им. Горького, 1934].

пала на Втором пленуме правления [Второй пленум..., 1935, с. 462–466], с небольшими купюрами ее речь опубликовали «Известия» и «Литературная газета» [Кореванова, 1935а; 1935б]. Пресса, и местная, и центральная, вообще активно продвигала Кореванову в этот период (рис. 1–3).

Рис. 1. А. Г. Кореванова (ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 41. Л. 1). Фото было напечатано в газете «Уральский рабочий» накануне Первой конференции советских писателей Урала [Харитонов, 1934]

Fig. 1. A. G. Korevanova (GASR. Stock R561. List. 1. Dos. 41. Sheet 1). The photo was published in the newspaper “Uralsky Rabochy” on the eve of the 1st conference of Soviet writers in the Urals [Kharitonov, 1934]

В 1936 г. «Моя жизнь» с предисловием Горького вышла отдельной книгой в издательстве «История заводов», в 1938 г., уже после смерти автора, – в издательстве «Советский писатель». И вот в 2020 г. появляется «слегка модернизированный вариант», как аттестует «Ее жизнь» Ю. Подлубнова⁴.

⁴ Юлия Подлубнова. Фейсбук. 01.10.2020.

Рис. 2. Е. Новикова-Вашенцева и А. Кореванова «возглавляют» галерею женщин – участниц Первого съезда ССП на обложке журнала «Работница» (Работница. 1934, сентябрь, № 25)

Fig. 2. E. Novikova-Vashentseva and A. Korevanova «head» the gallery of women-participants of the 1st Congress of the Soviet Writers' Union on the cover of the "Rabotnitsa" magazine (Rabotnitsa. 1934, September, no. 25)

Рис. 3. А. Кореванова с М. Шагинян и др. участницами Первого съезда ССП (Работница. 1934, сентябрь, № 26, с. 3).

Fig. 3. A. Korevanova with M. Shaginyan and other women-participants of the 1st Congress of the Soviet Writers' Union (Rabotnitsa. 1934, September, no. 26, p. 3)

Ребрами жесткости сюжета выступают названия пяти частей: 1) *В темноте* (рождение в 1869 г. в Ревдинском заводе, смерть матери, мачеха, обучение грамоте, тяжелый труд, нелюбимый муж, побои, домогательства свекра и попа, у которого была в услужении; 2) *Перемена жизни* (смерть мужа, тиф, череда работ в Екатеринбурге, Карабаше, Челябинске на фабриках, стройках, в гостинице, занятие торговлей, в больницах – получение и потеря свидетельства «на звание сестры», полгода счастливого замужества и смерть второго мужа); 3) *Война и революция* (работа в больнице, 1917, 1918 гг. – вставки из дневника и полученных писем, один из выхоженных солдат стал «вроде сына», вступление в партию и служба в передвижном госпитале Красной армии; 4) *Семья случайных* (семье приемного сына не до нее, живет и работает в детском доме, болезненный перевод избачем в Полдневую; 5) *В деревне и в городе* (Полдневая, Арамилы, Косулино, Ташкинова, выход на пенсию в Свердловске, общественная работа в ЖАКТе, слет ударниц 1933 г. – удовлетворение от работы среди женщин; эпилог – вечер воспоминаний заводчан в Ревде).

Методика четырех чтений призывает исследователя-читателя в самом начале зафиксировать собственное «отношение, эмоциональное и интеллектуальное», которое вызывает автор-героиня, помня при этом «о своих интересах, предрассудках, ограничениях, обусловленных профессией, возрастом, социальным происхождением» и теоретическими установками, поскольку так или иначе всё это влияет на интерпретацию [Трубина, 2002, с. 74–75]. В моем случае основная реакция – недоумение; интерес, ростки симпатии и восхищения перебиваются безотчетной неприязнью, так что выбор молодых издателей стал еще более интригующим.

Как следует из представления проекта в соцсетях⁵, предисловия и вступительной статьи, с современной повесткой срезонировало травмоговорение [Ее жизнь..., 2020, с. 4; Подлубнова, 2020] (ср. [Подлубнова, 2019])⁶ – женские страдания и смелость рассказать о них во всеуслышание, но такой ответ вопроса не снимает. Ведь примерно так же, напирая на обнаженные язвы и тяготы, позиционировали книгу и во времена Коревановой. Правда, тогда добавляли акцент на угнетателей и порочный социальный строй; сегодня источник зла с помещиков-капиталистов смещается на мужчин вообще, от классового неравенства к гендерному. Ну и сменился темпоральный режим: если в 1930-е унижения и тяготы относили к проклятому прошлому, пережитки которого вот-вот уничтожат, то сегодня, напротив, студенты-издатели открывают для себя переключку эпох и едва ли не трансцендентный, вневременной статус насилия и дискриминации в отношении женщин. Вероятно, потому что гендерные исследования далеки от моих интересов, подобная актуализация кажется слишком узкой и односторонней.

К недоумению подкрадывается неприязнь: что удивительного в lamentациях о тяжелой жизни, не описано ли всё это уже у Некрасова⁷ и Короленко, о станов-

⁵ «Ее жизнь». ВКонтакте. 12.04.2020. URL: https://vk.com/agk_life?w=wall-192975980_19 (дата обращения 06.01.2021).

⁶ Напомним, что весной 2020 г. тематика семейного насилия набрала обороты в связи со скандальной историей с популярным блогером Р. Тодоренко.

⁷ С цитаты из Некрасова начинается предисловие к «Моей жизни» М. Горький, внимательно читала Некрасова и сама Кореванова, о чем свидетельствуют ее заметки – своеобразный читательский дневник, отнесенный архивистами к 1931 г. (ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 39).

лении самосознания – в рабочих и революционных автобиографиях, в больших количествах вышедших в 1920–1930-е гг.⁸ Отличие, пожалуй, в том, что в абсолютном большинстве это мужские истории, а в случае Кореваковой – женская, женщиной и представленная, и здесь приходится признать правомочной и продуктивной гендерную повестку.

Горький выделял вышедших из низов авторов-женщин [Горький, 1928; 1930], и Коревакова удачно вписалась в компанию с Еленой Новиковой и Галиной Грековой, помогая обосновать идею о том, что «женщины, крестьянки и работницы» при новом строе начинают сами рассказывать о «каторжном прошлом» [Горький, 1936, с. 5–6] (ср.: [Горький, 1935])⁹. На Урале, конечно, имелись женщины-литераторы (для 1920-х современный специалист называет 13 имен; к 1930-му в словаре 1949 г. относятся восемь [Мирошниченко, 2008; Писатели Урала, 1949]), однако все они происходили из образованных сословий и/или получили систематическое образование – самоучкой была лишь одна Коревакова, впрочем, она и не значится ни в одном из упомянутых списков. Именно статус женщины-самоучки, получившей признание, выделяет ее из местного писательского сословия и в этом смысле она, действительно, «единственная женщина по Уралу», согласно ее записи середины 1930-х гг.¹⁰

Второе чтение – ради голоса Я рассказчика. Коревакова рисует себя претерпевающей множество ударов судьбы, при этом находчивой и временами романтической, так что «Моя жизнь» читается как приключенческий роман, но главное не это. По точному определению Юлии Подлубновой, автогероиню Кореваковой отличает отчужденность, она последовательно отводит себе роль мученицы [Подлубнова, 2013, с. 775–776, 778; 2020, с. 14]. В логике четырех чтений в глаза бросаются сходные черты, но с противоречивыми и часто негативными – помня о требовании не прятать от себя нюансы восприятия – оттенками. Агриппина предстает не просто отчужденной, но сплошь и рядом обиженной и неуживчивой, ее принципиальность – или склочность? – мешает прочной инклюзии, закономерно выливаясь в неприкаянность и скитания: «Куда я только ни поступала, где ни работала! И на постройках, и грузчицей, и кухаркой, и пекарем, и поломойкой» [Коревакова, 1936, с. 142]¹¹.

Легкая на подъем и решительная до авантюристности, наша героиня, прислушиваясь к себе, борется за собственное достоинство и достойное устройство жизни. Там, где удастся организовать улучшения: баню для красноармейцев, порядок и обучение для детдомовцев и т. п., – она задерживается. Где не удастся, ускользает, как колобок: и от похотливого попа, и из переполненного военными поезда,

---

⁸ См. обзор автобиографий рабочих за рубежом и в России того периода [Рыбников, 1930; Подлубнова, 2013, с. 772–773], об автобиографиях писателей из народа конца XIX в. см.: [Рыкунина, 2014]. Трудно отделаться от иронически-банального эха: в 1930 г. на русском вышла «Моя жизнь» Троцкого – за три года до первой журнальной публикации «Моей жизни» Кореваковой, однако у нее под таким названием сохранились рукописи еще 1925 г. (ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 19). Позднее она отмечала среди прочитанных книг одноименное произведение С. Подъячева [1930; 1934].

⁹ Ср. также с замыслом (нереализованной) горьковской серии «История женщины в XIX веке» начала 1930-х гг.

¹⁰ ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 121. Л. 28 об.

¹¹ Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием страниц.

однако далеко не всегда мобильность оказывается добровольной: дом умершего мужа отобрали за долги, от любимых воспитанниц детдома оторвали из-за козней нового заведующего.

«Темнота» – постоянный мотив в звучании голоса Я, слегка стихающий за пределами одноименной первой части, но не исчезающий полностью. С одной стороны, сетования на темноту подпитывают неприкаянность как ощущение ограниченного поля возможностей, с другой – могут подталкивать к решительным действиям. Как-то в период работы в детдоме Агриппина засмотрелась на звездное небо, Венеру, при составлении отчета потом «завистливо думала: «Вот есть же такие люди, которые все звезды знают, что они означают, а вот мы простую грамоту еле разбираем, кое-как бумагу царапаем. Как трудно без образования в работе!» (с. 243), так появилась мысль учить детдомовцев, возникла «первая трудовая группа». Осознание «темноты» – само по себе шаг вперед, и происходит он, как можно понять, благодаря качествам героини (она грамотная, знает Венеру, пишет отчет), хотя и поданным со смиренной скромностью.

Пожалуй, книга могла бы иметь более развернутое название – «Моя жизнь и работа», созвучное эпохе, как у Г. Форда, если дословно переводить «My Life and Work» (1922), но точно не «Моя жизнь, мои достижения», как озаглавили ее советское издание 1924 г. У Коревановой тогда уж была бы «Моя жизнь и страдания», ибо, несмотря на череду маленьких побед, все они направлены на других и в ее собственную восходящую мобильность никак не складываются.

Достижениям трудно проявиться вне социальной укорененности, но даже там, где героиня задерживается надолго, об интеграции речи не идет. Нетипично длинная главка «По больницам» (13 страниц при обычных 3–4, а то и вовсе одной) уже своей величиной намекает на значимость; вместе с двумя последующими эпизодами про больницы и «Аптечкой» ближе к концу они могли бы составить некую профессиональную линию, а если сопоставить с тем, что на протяжении всего повествования Агриппина много болеет, вырисовывается концепция совладания в духе человека, самостоятельно себя сделавшего (ср. [Мещеркина, 2002а]), – но ничего подобного не сложилось. Из названных эпизодов вряд ли можно понять, что Кореванова провела на больничной работе более 12 лет¹², стабильность и продолжительность в тексте совершенно не акцентируются. Получение свидетельства медсестры как будто претендует на достижение, но не артикулируется как способ совладания с ситуацией и не конвертируется в последующие успехи ни на этом, ни на каком-либо другом поприще. Все поглощает мелодраматическая коллизия с несправедливостью, когда бедную женщину даже не допустили к экзамену, и последующей пропажей вождельного документа по злему умыслу недоброжелателей.

Третье чтение – ради отношений с другими, коих великое множество, но ни один не проходит через всю книгу. Сначала фигурирует ближний круг: семья и некоторые обитатели ревдинского завода, на протяжении повествования Агриппина несколько раз туда возвращается, но это скорее простые отметки на пути следования, нежели потребность припасть к истокам.

У Агриппины нет закадычных друзей, но встречаются «дарители», совсем по Проппу: например, «молодой, веселый» разносчик медикаментов в больнице,

¹² ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 76. Л. 5; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 79. Л. 20.

научивший «разбирать по-латыни», и благоволивший ей доктор, чьими стараниями ее всё же экзаменовали и вручили, как чудесный дар, то самое свидетельство медсестры (с. 130, 138). В новое время сама власть выступает дарителем: «если бы советская власть была одним человеком, я, не задумываясь, обняла бы этого человека и сказала: “Дорогой ты мой, спасибо тебе, что не забыл меня”» (с. 314).

К другим следует отнести и собственное тело, некую внутреннюю самость, которая действует как сторонняя сила вне сознания и контроля героини – и в состоянии глубокой гармонии, когда песня сама рождается «в складках памяти... а руки готовят девочкам работу», и сильного потрясения, как при известии о переводе с любимой работы: «в голове кавардак», «Бессмысленно вошла... мысли скачут... глаза не видят» (с. 278, 280–281).

Четвертое чтение – ради культурных контекстов и социальных структур – по умолчанию предполагает системность, и аналитически, разумеется, можно вычленивать и интересные контексты, и структуры с причитающейся им связностью, однако в книге на первый план выходит, напротив, нехватка таковой.

На «малосистемность изложения» указывает одна из первых рецензий: отзываясь на публикацию в «Штурме» начальных глав, критик Михайлов отмечает, что автор «очень часто ограничивается лишь поспешным занесением тех или иных, мелких или крупных событий на бумагу», «[э]пизод перебивает эпизод», не справляясь «с системой жизнеописания... Нет обобщения событий» [Михайлов, 1934, с. 207]. В 2020 г. студенты имели дело с текстом книги, прошедшим множественную редактуру, но увидели то же самое – обилие второстепенных линий, которые никак не развиваются (что объяснили дневниковой основой и решили скорректировать).

Действительно, в ходе второго чтения на примере разрозненных кусочков «больничной» истории мы видели, что даже богатые, перспективные нити повествования (как бы ни различались представления о перспективности тогда и сейчас) повисают без продолжения. Специально изучая некогерентность в (авто)биографиях XX в, социолог Елена Рождественская (Мещеркина) считает причиной характерные социальные травмы эпохи [Рождественская, 2010а, с. 21; 2010б, с. 32], что как будто согласуется с подходом и наших издателей – с той только, но всё перекрывающей разницей, что Кореванова отнюдь не замалчивает, а наоборот, едва ли не смакует свои невзгоды. Словно бы для самой рассказчицы главная ценность ее истории состояла в скитаниях и бесприютности, а главный бонус – в читательском сочувствии, жалости. Призыв к молодежи 1930-х ужаснуться беспросветности прежней жизни и оценить заслуги советской власти в этом контексте выглядит инородной добавкой, на скорую руку притороченной по краям книги, и, надо думать, никого не вводившей в заблуждение.

Думается, некогерентность в данном случае проистекает из стремления совместить рассеянные по всему тексту и составляющие образ страдальцы несправедливости и обиды – и неумную активность Агриппины. Работавшие с текстом специалисты могли бы усилить линию «роста» героини и такая задумка была: «Я считаю, что рукопись должна показать, как из темной деревенской “бабы” – постепенно выковывался сознательный работник и писатель нашей социалистической родины, показать процесс ее политического и культурного роста, и все трудности этого процесса», – сообщал 15.07.1935 Коревановой редактор «Исто-

рии заводов» А. Тихонов¹³. Страдательный залог, однако, хорошо согласуется с идеей о том, что кардинальные изменения могла внести только смена социального строя – поэтому индивидуальные действия и под пером маститых редакторов остаются разрозненными и ситуативными.

Так что же, в книге действительно нет единого стержня? Рассказа о том, как растет человек на производстве или стройке – а именно так строились биографизирующие тексты первых пятилеток – определенно не получилось. В более широком плане тема движения от тьмы к свету [Halfin, 2000] (ср. [Рыкунина, 2014, с. 20]), прозрения и освобождения просматривается, но в тех самых пунктирных чертах, о которых говорилось выше. Для модельной автобиографии снова сильно не хватает целенаправленных последовательных шагов: пересечения с подпольщиками, революционные события, вступление в партию описаны целиком из позиции «темноты», партийные назначения как щепку мотают немолодую уже, то и дело болеющую героиню из стороны в сторону.

Если всерьез говорить о центральной теме, то я бы поставила на писательство и, шире, словесность. Эта тонкая и, конечно, тоже прерывистая ниточка, на мой взгляд, дорожке всего Коревановой и наиболее интересна и драматична во всей ее истории.

Писательство: стремление и отверженность

Владение грамотой, как прометеевым огнем (или красным цветком у Маугли?), – вот что выделяет Агриппину из общей массы, служит живой водой и словно бы движет по жизни. И современники Коревановой, и исследователи наших дней с удовольствием цитируют квинтэссенцию ее писательского Я: четко выведенные причины «писания» и эмоциональное обращение к единственному другу – книге (с. 103, 198) [Фицпатрик, 2011; с. 158; Подлубнова, 2013, с. 775–776; 2020, с. 11, 12], но заслуживает внимания и значение словесности в отношениях героини с окружающими.

Злая мачеха ругала «грамотейку» за книжки, любимый отец, хоть и подверженный влиянию мачехи, помогал учению; с каких бы неприглядных сторон этот человек потом ни предстал, на нем словно лежит отсвет огня из печной дверцы, у которой девочка разбирала буквы. Даже изверг-муж и самодур-свекр очеловечиваются, не учиняя притеснений за рассказы, которые «хотя и неумело, плохими литературными словами, но с жаром и горечью» писала Агриппина, наоборот, гордились, что она у них такая грамотная (с. 103). Впоследствии она сама приобщала других к печатному слову, к учению: пациентов в больнице, воспитанниц в детдоме, детей и женщин в деревнях, где была «избачихой».

Наша героиня изо всех сил стремилась в мир словесности, и именно на этом поприще наиболее драматична ее отверженность. Помимо рукописей литературных произведений разных жанров, открытых Ю. Подлубновой [2013; 2020], в архиве Коревановой сохранилось несколько развернутых просьб «о помощи в писании»: в 1922 г. она обращается к лектору районной школы политграмоты Когану,

¹³ ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 94. Л. 5.

в 1925-м откликается на статью А. Григоровича «О начинающих», в 1926-м – А. Шубина об уральских беллетристах [Григорович, 1925; Шубин, 1926]¹⁴.

Не писать она не могла. В неприглаженном виде потребность в творческом самовыражении, изложенная в письме к Когану, способна напугать плотным физиологизмом: «если я не буду писать то никак не могу ночь уснуть в голове поднимается шум и заболит мозга ворочаются что то в ней затрещит того и жду что вот случится прилив крови бывало близка к помешательству»¹⁵. В «Моей жизни» тоже упоминается близость к сумасшествию, от которого спасало ведение дневника, но в контексте произведения мы понимаем, что таким способом, через реакции тела, проявляют себя некие мощные, независимые от героини силы, каковой и оказывается потребность в «писании». Примерно в середине книги без отдельного заголовка, а просто через пробел в главке «Первое мая» звучит призыв: «не умею писать, но страстно хочу, хочу писать. Слышите?! Кричу, громко кричу, чтобы слышали все: “Помогите, научите!” ... Неужели такое страстное желание может пропасть даром и не дать результатов!» (с. 219–220), о необходимости помощи со стороны литературной критики Агриппина Гавриловна говорила и на Втором пленуме ССП в 1935 г.

Таким образом, смысл писательства не сводится к терапевтическому проговариванию травмы, взрослой Кореваковой (не той, что начинала вести дневники, а той, что перерабатывает их в книгу) нужны и выход к читателю, и институциональная включенность. Она настаивает на общественной значимости того, что может дать, призывая не допустить, чтобы ее мысли «пропадали напрасно, как раньше пропадали, а вылились бы в крупную форму и принесли хоть какую-то пользу» (с. 220).

На первый взгляд всё удалось, но Агриппина Гавриловна так не считала. Суть коллизии лучше всего выражает один эпизод, когда в 1937 г. свердловский литератор, стремясь очернить своего собрата по цеху Алексея Маленького, сообщил под протокол в НКВД (ни на того, ни на другого дел еще не было заведено): «В 1934 году работая в журнале “Штурм” на просьбу писательницы Кореваковой выдать ей гонорар (автора книги “Моя жизнь” рекомендованной А. М. Горьким) выпроводил ее нисчем, а после ухода ее ответил: “Ходит старая дура и воображает себя писательницей. Непонимаю, зачем только нянчатся с такой бездарностью”»¹⁶. Говорил ли нечто подобное Маленький или кто-то другой или фраза от начала до конца выдуманна, – существенно то, что именно Кореваковой адресовано обвинение в бездарности. И ей, как явствует уже из ее записей, действительно приходилось выбивать деньги в местной писательской организации: «...как нищенка, хожу прошу в оргкомитет дайте хотя сто рублей (на месяц). И если дадут просимое и незнаешь куда их повернуть на питание или же пустить в расход по квартире квартплату и дрова и освещение, а приду просить вторично, удивляются, да куда ты деваешь деньги?!» – жаловалась она в Главную редакцию «Истории заводов» 01.10.1934¹⁷. Литературной помощи, кроме как от литредактора свердловской редакции «Истории заводов» Н. Никановича (которой она в итоге была

¹⁴ ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 2. Л. 1а – 3, Д. 13. Л. 2–9, Д. 26. Л. 1–6.

¹⁵ Там же. Д. 2. Л. 2.

¹⁶ ГААОСО. Ф. Р1. Оп. 2. Д. 17005. Л. 49 об.

¹⁷ ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 121. Л. 136а – 136а об.

не рада), и вовсе не было: «...никто ни разу как следует ни побеседовал со мной, не консультировал, ни направлял и помогал в работе. Писала одна как хотела и как знала»¹⁸.

Местное литературное сообщество Кореванову не принимало. И, вероятно, чем внушительнее становились знаки официального признания, тем сильнее ощущалась и отверженность. Сказалась ли тут разница в возрасте (среди свердловских литераторов она годилась кому в матери, а кому и в бабушки), необразованность или что-то еще вроде отмеченной выше неуживчивости, но свойственные ее экзистенциальному самовосприятию одиночество и неприкаянность проявились тут в полной мере. О том, как тосковала она о включенности, говорит проникшая в газетную заметку реплика, что никто из писателей не навещает ее в больнице [У Агриппины Коревановой, 1936].

Признание наверху было ослепительным, но однобоким: автора «Моей жизни» представляли только-только взявшейся за перо дебютанткой [Подлубнова, 2013, с. 775; 2020, с. 10], напрочь игнорируя и тем обесценивая длительный опыт «писания». Так, в 1933 г. «Правда», а затем и «Штурм» определяют литературный стаж Коревановой в полтора-два года [Ермилов и др., 1933; 1934], вскоре Ермилов провозгласит уже с трибуны съезда ССП, что она впервые начала писать 3–4 года назад [Первый съезд..., 1934, с. 165], наконец, и в аннотации книги сказано, что это первая литературная работа автора. Почтенный возраст также всячески подчеркивали, дабы показать, что только советская власть способна создать условия для творческого пробуждения, – чуть ранее точно так же позиционировали Е. Новикову-Вашенцеву [Горький, 1928; 1930; Волк, 1931]. Сама же Кореванова и в книге, и в речах настойчиво повторяла, что начала создавать «Мою жизнь» очень давно (на пленуме она назвала 1894 г., когда стала вести дневник [Второй пленум..., 1935, с. 463]).

Институциональные взаимодействия по поводу публикации составляют последний акт этой драмы. Агриппина Гавриловна страшно возмущалась тем, как обошлись с ее рукописью в «Штурме». По ее мнению, редакция «разрушила ее, растеряла страницы, перечеркала, искалечила всю книгу» – и, как будто этого мало, далее в письме Новлянскому злословия рукописи описаны подобно несчастной девичьей судьбе: «...она пошла по рукам не заинтересованных ею, отчего она оказалась окончательно в хаотическом состоянии»¹⁹. Тем самым упрек критика в бессистемности принят, но целиком отнесен к действиям журнала. Кошмар повторился с публикацией других частей книги в «Штурме»: «[И]звращено до неузнаваемости все художественные места выброшены, сокращено целыми главами, отпечатано до безобразия и политически подведено неправильно»²⁰. Это выдержка из уже цитированного выше письма Щербакову – Кореванова борется за свое детище, опасаясь, что и до Москвы докатятся чинимые, как она уверена, против нее козни местных литераторов.

¹⁸ ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 121. Л. 137 об. Неделей раньше об отсутствии литературной и материальной помощи Кореванова писала заведующему Свердловской редакцией «Истории заводов» П. Новлянскому: ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 1. Л. 180–182.

¹⁹ ГАСО. Ф. Р318. Оп. 1. Д. 1. Л. 182–183.

²⁰ Там же. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 121. Л. 150.

Опасалась не зря, только дело, конечно, не в чьих-либо кознях: текст продолжали терзать – вероятно, именно так ей казалось – теперь уже московские редакторы, это предположение основано на тональности переписки с главной редакцией «Истории заводов», где всюду сквозят снедающая Кореванову тревога и ответные утешения.

В Москве рукопись тоже «пошла по рукам» как минимум в три этапа. Предварительное чтение было доверено редактору-консультанту И. И. Кубланову, 20.04.1935 он подтверждает получение материалов с ремаркой: «Как видите ничего не утеряно»²¹. Основной редактурой занимался опытный, давно сотрудничающий с Горьким А. Н. Тихонов, 17.07.1935 он первым делом успокаивает Агриппину Гавриловну: «Вы не беспокойтесь». Дальнейший текст, однако, должен был свергнуть ее в смятение, не смягчаемое даже сравнением с «Войной и миром» – рукопись уменьшается вдвое, ибо «[д]аже Толстого в таком размере <свыше 50 печатных листов> трудно читать», но редактор действует «с большой осторожностью, стараясь сохранить особенности» языка и стиля. Сокращению подлечит не имеющее прямого отношения к теме «политического и культурного роста» героини, повторы и шероховатости; остается то, что касается существенных моментов биографии, работы и окружения. «В некоторых местах, – признается Тихонов, – я позволил себе небольшие добавления, дорисовывающие события и фигуры героев, но я делал это только в объеме того материала, который имеется в книге, никакой отсебятины я, конечно, в текст не вводил»²². Коревановой с ее больничным опытом столь инвазивные методы, должно быть, напоминали работу хирурга: там ампутировать, здесь пришить. На заключительном этапе «Мою жизнь» редактировал и сокращал сам Горький²³, в итоге осталось 21,75 п. л. против обещанных Тихоновым 25–30, в связи с чем 17.11.1935 тот снова шлет слова утешения: «Не огорчайтесь, что рукопись значительно сокращена, это ей на пользу»²⁴.

И вот пришел черед новой операции, после иссечений 2020 г. книга уменьшилась до 17,84 усл. п. л.

«Ее жизнь»: эффект сокращения

Решив «остановиться исключительно на линии жизни, на линии испытаний, на линии травм Агриппины Коревановой» (так студенты формулируют концепцию своего издания), молодые люди добросовестно включили ее семейную историю, трудовую биографию, вступление в партию и общественную работу – «якорные точки, которые действительно характеризуют Кореванову», а вот зарисовки о праздновании Первомая, о местах, где ей доводилось бывать, когда «она рассказывает вообще не про себя, а что происходило в городе, как какие-то мужики бранятся, что-то они делают»²⁵, закономерно отбрасывали.

²¹ ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 94. Л. 3.

²² Там же. Л. 5.

²³ По завершении собственной правки 10.09.1935 Горький просил Тихонова посмотреть рукопись «еще разок» с целью дальнейшего сокращения [Горький, 1957, с. 121].

²⁴ ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 94. Л. 6.

²⁵ Встреча онлайн с создателями книги «Ее жизнь» – студентами УрФУ и О. Климовой 16.11.2020.

За таким подходом стоят два связанных между собой принципиальных допущения – рассказ о жизни индивида должен быть: а) закручен непосредственно вокруг него, б) линейно выстроен и когерентен. Эти допущения воспроизводят презумпцию связности биографического нарратива при всей проблематичности когерентности (вплоть до невозможности, признаваемой специалистами, правда, только для биографических проектов постмодерна) [Бурдые, 2002; Мещеркина, 2002б; Рождественская, 2010а, с. 21].

Если связность понимать как линейность, сводимость к единой цепочке событий, то более или менее заметные расширения рассказа воспринимаются как отклонения от основной линии, подлежащие изъятию. Остановимся подробнее на одной из таких удаленных главок, «Караван», – в ней описан, нет, любовно выписан сплав грузовых барок по Чусовой, нужно читать вместе с «Бойцами» Д. Н. Мамина-Сибиряка²⁶.

Оба рисуют спуск барок на воду, только у Мамина он «не идет за настоящую работу», полон «бестолковой суеты», когда «от криков и ругательств стоит стонотом стон» [Мамин-Сибиряк, 1958, с. 49]. У Коревановой же, напротив, всё дышит симпатией: в момент спуска тоже «снуют мужики», но это не суета и ругань, они «кричат, советуют», а публика на берегу крикает, помогает восклицаниями, неистово машет руками – тот же накал эмоций, но всё действие предстает слаженной и закрепленной в ритуале работой (с. 72–73). И Мамин, и Кореванова подчеркивают особую роль ревинского пруда: именно тут спускали воду, чтобы караваны барок с заводов ниже по течению могли двинуться «по Чусовой, по Каме на Волгу до Нижнего, поспевая к Макарьевской ярмарке» (с. 72) – с этого начинается глава «Караван». Заканчивается же она упоминанием 18 опасных камней – «бойцов», о которые бились барки и гибли люди (у Мамина они дали название всему большому очерку).

Сплавщики проделывали длинный и полный опасностей путь с уральских заводов до Нижнего Новгорода. Свекор Агриппины плавал на барке в качестве рабочего на водоотливке (по Мамину, это серьезная работа) целых 18 раз. Результатом удаления этой главы в 2020 г. стало двойное смещение смысловых рядов: умаление значимости производства и усиление акцента на притеснении женщин, возникла досадная ошибка – вместо сплава в Новгород свекор теперь «ездит работать на барке» в Нижний... Тагил [Ее жизнь, 2020, с. 72]! Вне исключенного контекста издатели так расшифровали «Нижний», породив несуразицу: этот уральский город расположен в 170 км севернее Ревды, и непонятно, почему Агриппине он представлялся волшебным краем, где «растут разные фрукты», тогда как для Нижнего Новгорода с его знаменитой ярмаркой в 1400 км от Урала вполне подходит образ страны изобилия.

Учитывая значение сплава в хозяйственной жизни, опасность и сложность работы, «церемония» встречи главы семейства в следующей главе уже не кажется

---

²⁶ Помимо содержательного пересечения, основанием для сопоставления служит и то, что Кореванова ценила творчество Мамина-Сибиряка, о чем говорят ее записи 1926, 1931 гг. (ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 26. Л. 4; Д. 39. Л. 24–31) и упоминание в книге (с. 309). О признаваемой в 1930-е значимости «уральских рассказов», включая «Бойцов», свидетельствует тот факт, что эти произведения активно издавались в Свердловске [Мамин-Сибиряк, 1934; 1935].

такой нелепой, какой она оказывается без главы «Караван». Свекор в повествовании Коревановой – представитель тех угнетающих, враждебных сил, которые преследуют героиню, однако благодаря эпичному и поэтизированному описанию сплава (возможно, вопреки намерению автора) становится понятно, откуда происходил и на чем держался старый уклад – общество и семья воздавали за тяжелый и опасный труд. В новой версии это просто злобный скупой самодур, которому вся семья зачем-то потакает.

«Ее жизнь»: характер свидетельства

Установочный тезис о том, что платой за возможность открытого травмоговорения стали уступки идеологической конъюнктуре [Подлубнова, 2020, с. 14–15], можно истолковать так, что Коревановой вовсе не хотелось писать о чем-либо, кроме своей частной жизни, – что легитимирует решение избавить текст от всего, в этой логике, наносного. Примерно в том же духе рассуждает историк Шейла Фицпатрик, отталкиваясь от западного представления о том, что женские автобиографии обычно сосредоточены на личном, семейном и больше похожи на исповеди, чем на свидетельства об исторических событиях, но тут же показывает кардинальное отличие жизнеописаний российских женщин межвоенного периода (1917–1941 гг.), для коих типичен как раз жанр «свидетельства – документа эпохи». Роль свидетеля, призванного зафиксировать исторические события, уравнивает женские тексты с мужскими: люди «чувствовали, что живут в необыкновенное время, – оно затмевало собой личные заботы, и его невозможно было игнорировать» [Фитцпатрик, 2011, с. 146–147].

«Моя жизнь» и продвигали изначально именно как свидетельство – «яркий человеческий документ», как окрестил ее уже в 1933 г. столичный критик Борис Гроссман, ознакомившись с первыми главами в «Штурме» [Гроссман, 1933]. Приветствуя выход книги, уралец Николай Куштум (именно он выступал от Свердловской области на I Съезде ССП) в 1936 г. повторит это определение, усилив эпитетом «бесхитростный», заимствованным из аннотации к произведению. Во второй половине 1930-х массовому призыву в литературу уже дан отбой, и статья Куштума представляет собой образец шаткого баланса между похвалой «правдивому рассказу» и признанием того, что в книге нет пищи для «литературных гурманов». И хотя гурманы окутаны уничижительными оценками, ясно, что литературы в книге ноль, а бесхитростность – другое имя для натурализма, против которого в критической статье 1934 г. в «Штурме» выступал упоминавшийся выше А. Маленький [1934]. Участники совещания писателей в редакции журнала «Наши достижения» в 1936 г., если верить докладной записке госбезопасности, и романы Н. Островского и А. Авдеенко, в ряд с которыми часто ставят книгу Коревановой, определили ее как «еще не литературу, а человеческие документы», в которых не видно писательского мастерства [Докладная записка..., 1997, с. 215–216]²⁷.

Так и современные студенты, не признавая за «Моей жизнью» художественной ценности, охотно отдают ей роль исторического документа. Сложность в том, что события большой истории так плотно простеганы перипетиями личной био-

---

²⁷ Подробнее об истории понятия «человеческий документ» см.: [Яковлева, 2012].

графии, что порой едва просвечивают, а личный голос настолько силен, что Ш. Фитцпатрик называет произведение Коревановой настоящим исключением среди множества анализируемых ею автобиографий [Фитцпатрик, 2011, с. 158], и, пожалуй, немудрено, что студенты сами же в изрядной степени изгоняют историчность из текста (вымарывая одни фрагменты и переиначивая, как было показано, акценты в других).

Подводя итоги, отметим еще раз, что для Коревановой при всей «документальности» жизненно важна была именно литература, и не только как способ совладания, но и как факт самореализации, и как сфера институционального признания. Кроме невзгод в книге есть и другая линия – о том, как Агриппина сочинила пьесу на церковнославянском языке, учила латынь, выдержала испытание на должность медсестры, нашла общий язык с беспризорниками и т. п., но «Моя жизнь» и в 1930-е была не про достижения, и в 2020 г. издателям важнее, что героиня смогла рассказать о травмах, а не о том, как дерзала и что предпринимала.

Особо следует сказать о дизайне «Ее жизни»: издатели гордятся сотрудничеством со Свердловским художественным училищем им. И. Д. Шадра, где по их заданию оформили книгу в стилистике «лаконичного конструктивизма» – «плакат, фотомонтаж, геометрия и газетная верстка», создающие «контраст, энергию, динамику», также призванные ассоциироваться с прошлым²⁸.

Рис. 4. Обложка книги «Ее жизнь» (2020). Худ. оформление Д. А. Хрещевой, К. А. Поташева, К. С. Барановой. Фото: Ольга Климова. Ночь десятая. Хлеб, чай, сахар: переиздание романа «Моя жизнь» А. Коревановой (ВКонтакте. 26.08.2020)

Fig. 4. Cover of the book “Her Life” (2020). Design by D. A. Khreshcheva, K. A. Potashev, K. S. Baranova. Photo: Olga Klimova. The tenth night. Bread, tea, sugar: reissue of the novel “My Life” by A. Korevanova (VKontakte. 26.08.2020)

²⁸ «Ее жизнь» // ВКонтакте. 02.04.2020, 06.04.2020. URL: https://vk.com/agk_life?w=wall-192975980_12; https://vk.com/agk_life?z=photo-192975980_457239035%2Falbum-192975980_00%2Frev (дата обращения 06.01.2021).

Поразительным образом современные издатели прошли след в след со своими предшественниками почти столетней давности: женская участь, бесхитростный документ и смелая редактура с их стороны. Собственно литературные перипетии остаются не по вкусу гурманам, но, возможно, по зубам исследователям, для которых и «Моя жизнь», и «Ее жизнь» предстают свидетельствами, причем не столько описанной в тексте реальности, сколько институциональных трансформаций самой литературы – в ее понимании как социального института, по Л. Гудкову и Б. Дубину, но также и как квазиавтономного поля, по П. Бурдые [Гудков, Дубин, 1994; Бурдые, 2000].

Список литературы

- Бурдые П.* Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
- Бурдые П.* Биографическая иллюзия // Интер: Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. № 1. С. 75–81.
- Гудков Л., Дубин Б.* Литература как социальный институт // Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт. Статьи по социологии литературы. М.: Новое литературное обозрение, 1994. С. 12–98.
- Мещеркина Е. Ю.* Как стать баронессой. Биография номера // Интер: Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002а. № 1. С. 87–94.
- Мещеркина Е. Ю.* К вопросу об иллюзиях // Интер: Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002б. № 1. С. 75–81.
- Мирошниченко М. И.* Женщины Урала в культуротворческом процессе в 1920-х – середине 1930-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2008. № 1 (1). С. 40–45.
- Писатели Урала: Библиограф. справ. / Сост. А. С. Ладейщиков. Свердловск: ОГИЗ, 1949. 100 с.
- Подлубнова Ю.* Характер автобиографизма в литературе Урала 1930-х гг. (случай А. Коревановой) // ŽMOGUS KALBOS ERDVĖJE. 2013. Nr. 7. Mokslinių straipsnių rinkinys. С. 772–779.
- Подлубнова Ю.* Триумфы травмы: о травмоговорении в современной литературе // Артикуляция: Лит.-худож. журн. 2019. № 6. URL: <http://articulationproject.net/2781> (дата обращения 29.01.2021).
- Подлубнова Ю.* Агриппина Кореванова: из пролетарок в писательницы? // Ее жизнь: по мотивам романа А. Г. Коревановой «Моя жизнь» / Сост. К. С. Баранова и др.; под ред. О. В. Климовой; илл. Д. Хрещевой (Шадр) и др. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 9–15.
- Рождественская Е. Ю.* Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: 4М. 2010а. № 30. С. 5–26.
- Рождественская Е.* Биографическая работа по возвращению смысла: истории жизни остарбайтеров // У пошуках власного голосу: Усна історія, як теорія, метод та джерело: Зб. наук. ст. / За ред. Г. Грінченко, Н. Ханенко-Фріезен. Харків, 2010б. С. 25–38.
- Рыбников Н. А.* Автобиографии рабочих и их изучение. Материалы к истории автобиографии как психологического документа. М.; Л.: Госиздат, 1930. 96 с.

- Рыкунина Ю. Писатели из народа: (авто)биографические тексты и контексты // *Autobiografija*. 2014. № 3. С. 15–29.
- Трубина Е. Рассказанное Я: отпечатки голоса. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 272 с.
- Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / Пер. с англ. Л. Ю. Панфиной. М.: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»: РОССПЭН, 2011. 373 с.
- Яковлева Н. «Человеческий документ»: история одного понятия. Helsinki: Helsinki University Print, 2012.
- Korevanova A. “My Life.” In: *In the Shadow of Revolution: Life Stories of Russian Women from 1917 to the Second World War*, edited by Fitzpatrick Sheila and Slezkine Yuri. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000. P. 169–206.
- Fitzpatrick Sh. *Tear off the masks! Identity and imposture in twentieth-century Russia*. Princeton: Princeton University Press, 2005, XII-332 p.
- Doucet A., Mauthner N. S. What can be known and how? Narrated subjects and the Listening Guide // *Qualitative Research*. 2008. Vol. 8, no. 3. P. 405–407.
- Halfin I. *From Darkness to Light. Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia*. Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 2000. 474 p.

Список источников

- Волк А. Замечательный факт // *Сибирские огни*. 1931. № 4. С. 107–108.
- Второй пленум правления союза советских писателей СССР: стенографический отчет. М.: ГИХЛ, 1935. 520 с.
- Горький М. О Елене Новиковой // *Вечерняя Москва*. 1928. 14 июля. № 162. С. 3.
- Горький М. Предисловие к книге Е. Новиковой-Вашенцевой «Маринкина жизнь» // *Новикова-Вашенцева Е. Маринкина жизнь*. Л.: Земля и фабрика, 1930.
- Горький М. Знать прошлое – необходимо [Ответ Е. И. Семеновой] // *Правда*. 1935. 12 окт. № 282. С. 1.
- Горький М. Книга русской женщины // *Кореванова А. Г. Моя жизнь*. М.: История заводов, 1936. С. 5–6.
- Горький М. Письма и отзывы М. Горького. Публикация Архива А. М. Горького, подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Л. Иокар // *Вопросы литературы*. 1957. № 7. С. 115–131.
- Григорович Ал. О начинающих (литературные заметки) // *Крестьянский журнал*. 1925. № 7. С. 14–15.
- Гроссман Б. Писатели Урала // *Литературная газета*. 1933. 5 авг. № 36. С. 1.
- Докладная записка Управления государственной безопасности «О совещании писателей при редакции журнала «Наши достижения» [позднее 20 марта 1936 г.] (№ 92) // «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938: Док. / Сост. Д. Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997. С. 215–217.
- Её жизнь: по мотивам романа А. Г. Коревановой «Моя жизнь» / Сост. К. С. Баранова [и др.]; под общ. ред. О. В. Климовой; [илл. Дарья Хрещева («Шадр») и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 242 с.
- Ермилов В., Харитонов Н., Горбатов Б. Новые писатели // *Правда*. 1933. 12 нояб. С. 4.

Литературная жизнь сюжета

- Ермилов В., Харитонов Н., Горбатов Б.* Новые писатели // Штурм. 1934. № 1. С. 168–170.
- Кореванова А. Г.* Как я жила и как осталась жива: Речь на Пленуме правления Союза советских писателей // Известия. 1935а. 8 марта. № 58. С. 4.
- [*Кореванова А. Г.*] Радость наша и гордость: Выступление тов. Коревановой // Лит. газета. 1935б. 10 марта. № 14. С. 1.
- Кореванова А. Г.* Моя жизнь. М.: История заводов, 1936. 342 с.
- Куштум Н.* Книга человеческой правды. «Моя жизнь» Агриппины Коревановой // На Смену! 1936. 29 июня. № 92. С. 4.
- Маленький А.* Литературный год на Урале // Штурм. 1934. № 12. С. 103–112.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* Бойцы: очерки весеннего сплава по реке Чусовой // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 10 т. М.: Правда, 1958. Т. 4: Уральские рассказы. С. 5–120.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* Бойцы: очерки весеннего сплава по реке Чусовой. Свердловск; Москва: Гослестехиздат, 1934. 239 с.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* Горное гнездо; Бойцы // Мамин-Сибиряк Д. Н. Избр. соч.: В 5 т. Свердловск: Свердлов. гос. изд-во, 1935. Т. 2. 352 с.
- Михайлов Л.* От крепостничества к пролетарской революции (А. Кореванова: «Моя жизнь») // Штурм. 1934. № 5–6. С. 203–207.
- О распределении фонда им. Горького // Урал. рабочий. 1934. 22 июня. № 43. С. 6.
- Первый Всесоюзный съезд советских писателей: стенографический отчет / Под ред.: И. К. Луппола, М. М. Розенталя, С. М. Третьякова. М.: Сов. писатель, 1934. 718 с.
- Подъячев С.* Моя жизнь. М.: Сов. литература, 1934. 368 с.
- Подъячев С.* Моя жизнь. М.; Л.: ЗиФ, 1930. 232 с.
- У Агриппины Коревановой // На Смену! 1936. 20 июня. № 87. С. 2.
- Харитонов Н.* Говорите писателю правду! // Урал. рабочий. 1934. 18 июня. № 140. С. 6.
- Шубин А.* Проба пера. Об уральских беллетристах // Уральская новь. 1926. № 8. С. 20–21.

Список архивов

- Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО), Екатеринбург. Ф. Р1. Оп. 2. Д. 17005 – Судебно-следственное дело А. Г. Попова (Маленького)
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО), Екатеринбург. Ф. Р561 – фонд А. Г. Коревановой.
- Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Екатеринбург. Ф. 4 – фонд Уралобкома ВКП(б), Свердловского обкома КПСС.

References

- Bourdieu P. Pole literary [Field of literature]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 2000, no. 45, p. 22–87. (in Russ.)

- Bourdieu P. Biograficheskaya illyuziya [Biographical illusion]. *Inter: Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Inter: Interaction. Interview. Interpretation], 2002, no. 1, p. 75–81. (in Russ.)
- Doucet A., Mauthner N. S. What can be known and how? Narrated subjects and the Listening Guide. *Qualitative Research*, 2008, vol. 8, no. 3, p. 405–407.
- Fitzpatrick Sh. Sryvayte maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka. [Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth Century Russia]. Moscow, 2011, 373 p. (in Russ.)
- Gudkov L., Dubin B. Literatura kak social'nyj institut [Literature as a social institution]. In: Gudkov L., Dubin B. Literatura kak social'nyj institut [Literature as a social institution]. Moscow, New Literary Review, 1994, p. 12–98. (in Russ.)
- Halfin I. From Darkness to Light. Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh, Pittsburgh University Press, 2000, 474 p.
- Korevanova, Agrippina. “My Life”. In: In the Shadow of Revolution: Life Stories of Russian Women from 1917 to the Second World War, edited by Fitzpatrick Sheila and Slezkine Yuri. Princeton, NJ, Princeton University Press, 2000, p. 169–206.
- Meshcherkina E. Yu. Kak stat' baronessoy. Biografiya nomera [How to become a baroness. Biography of the issue]. *Inter: Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Inter: Interaction. Interview. Interpretation], 2002a, no. 1, p. 87–94. (in Russ.)
- Meshcherkina E. Yu. K voprosu ob illyuziyakh [On the issue of illusions]. *Inter: Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Inter: Interaction. Interview. Interpretation], 2002b, no. 1, p. 75–81. (in Russ.)
- Miroshnichenko M. I. Zhenshchiny Urala v kul'turotvorcheskom protsesse v 1920-kh – seredine 1930-kh godov [Women of the Urals in the cultural creation process in the 1920s – mid-1930s]. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 2008, no. 1 (1), p. 40–45. (in Russ.)
- Pisateli Urala: Biobibliograficheskiy spravochnik [Writers of the Urals: Biobibliographical Directory]. Comp. by A. S. Ladeyshchikov. Sverdlovsk, OGIZ, 1949, 100 p. (in Russ.)
- Podlubnova Y. Kharakter avtobiografizma v literature Urala 1930-kh gg. (sluchay A. Korevanovoy) [The Character of Autobiographics in Ural Literature of the 1930s (Korevanova Case)]. *ŽMOGUS KALBOS ERDVĒJE*, 2013, no. 7. Mokslinių straipsnių rinkinys, p. 772–779. (in Russ.)
- Podlubnova Y. Triumfy travmy: O travmogovoreni v sovremennoy literature [Triumphs of Trauma: On Trauma Speaking in Contemporary Literature]. *Artikulyatsiya: Lit.-khud. Zhurnal* [Articulation], 2019, no. 6. URL: <http://articulationproject.net/2781> (accessed 29.01.2021).
- Podlubnova Y. Agrippina Korevanova: iz proletarok v pisatel'nitsy? [Agrippina Korevanova: from proletariat to writer?]. In: *Ee zhizn': po motivam romana A. G. Korevanovoy “Moya zhizn'”* [Her life: based on the novel by A. G. Korevanova “My Life”]. Compilers: K. S. Baranova et al.; under the general editorship of O. V. Klimova; illustrations by Daria Khreshcheva (“Shadr”) et al.]. Ekaterinburg, Publishing house of the Ural University, 2020, p. 9–15. (in Russ.)
- Rozhdestvenskaya E. Yu. Narrativnaya identichnost' v avtobiograficheskom interv'yu [Narrative Identity in Autobiographical Interview]. *Sociology: 4M*, 2010, no. 30, p. 5–26. (in Russ.)

Rozhdestvenskaya E. Biograficheskaya rabota po vozvrashcheniyu smysla: istorii zhizni ostarbayterov [Biographical work on the return of meaning: the Ostarbeiters' life histories]. In: U poshukakh vlasnoho holosu: Usna istoriya, yak teoriya, metod ta dzhe-relo [Looking for your own voice: Oral history as a theory, method and source]. Ed. by G. Grinchenko, N. Khanenko-Friesen. Kharkov, 2010, p. 25–38. (in Russ.)

Rybnikov N. A. Avtobiografii rabochikh i ikh izucheniye. Materialy k istorii avtobiografii kak psikhologicheskogo dokumenta [Workers' autobiographies and their study. Materials for the history of autobiography as a psychological document]. Moscow, Leningrad, 1930, 96 p. (in Russ.)

Rykunina Yu. Pisateli iz naroda: (avto)biograficheskiye teksty i konteksty [Writers from the People: (Auto)Biographical Texts and Contexts]. *Autobiografiya*, 2014, no. 3, p. 15–29. (in Russ.)

Trubina E. G. Rasskazannoe Ya: otechatki golosa [The Spoken Self: The Imprint of the Voice]. Ekaterinburg, 2002, 272 p. (in Russ.)

Yakovleva N. "Chelovecheskiy dokument": istoriya odnogo ponyatiya [Human document: a history of one concept]. Helsinki, 2012, 208 p. (in Russ.)

List of Sources

[Anonymous] U Agrippiny Korevanovoy [At Agrippina Korevanova's]. *Na Smenu! [Change!]*, 1936, no. 87, 20 June, p. 2. (in Russ.)

Dokladnaya zapiska Upravleniya gosudarstvennoy bezopasnosti "O soveshchaniy pisateley pri redaktsii zhurnala *Nashi dostizheniya*" [pozdnee 20 marta 1936 g.] (№ 92) [Memorandum of the State Security Department "On the meeting of writers at the editorial office of the journal *Our achievements*" [later March 20, 1936] (No. 92)]. In: "Schast'e literatury". Gosudarstvo i pisateli. 1925–1938: Dok. ["Happiness of literature". State and writers. 1925–1938: Doc]. Compiled by D. L. Babichenko. Moscow, ROSSPEN, 1997, p. 215–217. (in Russ.)

Ee zhizn': po motivam romana A. G. Korevanovoy "Moya zhizn'" [Her life: based on the novel by A. G. Korevanova "My Life"]. Compilers: K. S. Baranova et al.; under the general editorship of O. V. Klimova; illustrations by Daria Khreshcheva ("Shadr") et al.]. Ekaterinburg, Publishing house of the Ural University, 2020, 242 p. (in Russ.)

Ermilov V., Kharitonov N., Gorbato B. Novye pisateli [New writers]. *Pravda [Truth]*, 1933, 12 Nov, p. 4. (in Russ.)

Ermilov V., Kharitonov N., Gorbato B. Novye pisateli [New writers]. *Shturm [Storm]*, 1934, no. 1, p. 168–170. (in Russ.)

Gorky M. Kniga russkoy zhenshchiny [The book of a Russian woman]. In: Korevanova A. G. Moya zhizn' [My life]. Moscow, Istoriya zavodov [History of factories], 1936, p. 5–6. (in Russ.)

Gorky M. O Elene Novikovoy [About Elena Novikova]. *Vechernyaya Moskva [Evening Moscow]*, 1928, no. 162, July 14, p. 3. (in Russ.)

Gorky M. Predisloviye k knige E. Novikovoy-Vashentsevoy "Marinkina zhizn'" [Preface to the book "Marina's life" by E. Novikova-Vashentseva]. In: Novikova-Vashentseva E. Marinkina zhizn' [Marina's life]. Leningrad, Zemlya i fabrika [Land and Factory], 1930. (in Russ.)

Gorky M. Znat' proshloe – neobkhodimo (Otvét E. I. Semenovoy) [Knowing the past is necessary (Answer for E. I. Semenova)]. *Pravda [Truth]*, 1935, no. 282, 12 Oct, p. 1. (in Russ.)

Gorky M. Pis'ma i otzyvy M. Gor'kogo. Publikatsiya Arkhiva A. M. Gor'kogo, podgotovka teksta, vstup. stat'ya i prim. L. Iokar [Letters and reviews of M. Gorky. Publication of the Gorky Archive, preparation of the text, introduction, and comments by L. Iokar]. *Voprosy literatury [Problems of literature]*, 1957, no. 7, p. 115–131.

Grigorovich Al. O nachinayushchikh (literaturnye zametki) [About beginners (literary notes)]. *Krest'yanskiy zhurnal [Peasant magazine]*, 1925, no. 7, p. 14–15. (in Russ.)

Grossman B. Pisateli Urala [Writers of the Urals]. *Literaturnaya gazeta [Literary newspaper]*, 1933, 5 Aug, no. 36, p. 1. (in Russ.)

Kharitonov N. Govorite pisatelyu pravdu! [Tell the writer the truth!]. *Ural'skiy rabochiy [Ural worker]*, 1934, 18 June, no. 140, p. 6.

Korevanova A. G. Kak ya zhila i kak ostalas' zhiva: Rech' na Plenum pravleniya Soyuza sovetkikh pisateley [How I lived and how I stayed alive: Speech at the Plenum of the Board of the Union of Soviet Writers]. *Izvestia [News]*, 1935, 8 March, no. 58, p. 4. (in Russ.)

[Korevanova A. G.] Radost' nasha i gordost': Vystuplenie tov. Korevanovoy [Our joy and pride: Speech by Comrade Korevanova]. *Literaturnaya gazeta [Literary newspaper]*, 1935, 10 March, no. 14, p. 1. (in Russ.)

Korevanova A. G. Moya zhizn' [My Life]. Moscow, Istoriya zavodov [History of factories], 1936, 342 p. (in Russ.)

Kushtum N. Kniga chelovecheskoy pravdy. "Moya zhizn'" Agrippiny Korevanovoy [Book of human truth. "My Life" by Agrippina Korevanova]. *Na Smenu! [Change!]*, 1936, 29 June, no. 92, p. 4. (in Russ.)

Malenkiy A. Literaturnyy god na Urale [Literary year in the Urals]. *Shurm [Storm]*, 1934, no. 12, p. 103–112. (in Russ.)

Mamin-Sibiryak D. N. Boytsy: ocherki vesennego splava po reke Chusovoy [Fighters: sketches of spring rafting down the Chusovaya river]. Sverdlovsk, Moscow, Goslestekhizdat, 1934. 239 p. (in Russ.)

Mamin-Sibiryak D. N. Gornoe gnezdo; Boytsy. Izbrannye sochineniya [Mountain nest; Fighters. Selected works]. In 5 vols. Sverdlovsk, Sverdlovsk State Publishing House, 1935, vol. 2, 352 p. (in Russ.)

Mamin-Sibiryak D. N. Boytsy: ocherki vesennego splava po reke Chusovoy [Fighters: sketches of spring rafting down the Chusovaya river] In: Mamin-Sibiryak D. N. Coll. works. In 10 vols. Moscow, Pravda, 1958, vol. 4: Ural stories, p. 5–120. (in Russ.)

Mikhailov L. Ot krepostnichestva k proletarskoy revolyutsii (A. Korevanova: "Moya zhizn'") [From serfdom to the proletarian revolution (A. Korevanova: "My life")]. *Shurm [Storm]*, 1934, no. 5–6, p. 203–207. (in Russ.)

O raspredelenii fonda im. Gor'kogo [On the distribution of the Gorky Foundation]. *Ural'skiy rabochiy [Ural worker]*, 1934, 22 June, no. 43, p. 6. (in Russ.)

Pervyy Vsesoyuznyy S"yezd sovetkikh pisateley: stenograficheskiy otchet [The First All-Union Congress of Soviet Writers: a verbatim report]. Ed. by I. K. Luppól, M. M. Rosenthal, S. M. Tretyakov. Moscow, Soviet writer, 1934, 718 p. (in Russ.)

Podyachev S. Moya zhizn' [My life]. Moscow, Leningrad, Zemlya i fabrika [Land and Factory], 1930, 232 p. (in Russ.)

Литературная жизнь сюжета

Podyachev S. *Moya zhizn'* [My life]. Moscow, Soviet Literature, 1934, 368 p. (in Russ.)

Shubin A. Proba pera. Ob ural'skikh belletristakh [Test of the pen. About the Ural fiction writers]. *Uralskaya nov'* [*Ural Virgin Soil*], 1926, no. 8, p. 20–21. (in Russ.)

Volk A. Zamechatel'nyy fakt [A remarkable fact]. *Sibirskie ogni* [*Siberian lights*], 1931, no. 4, p. 107–108. (in Russ.)

Vtoroy plenium pravleniya soyuza sovetskikh pisateley SSSR: stenograficheskiy otchet [Second plenum of the board of the Union of Soviet Writers of the USSR: verbatim report]. Moscow, GIKHL, 1935, 520 p. (in Russ.)

List of Archives

Gosudarstvennyy arkhiv administrativnykh organov Sverdlovskoy oblasti (GAAOSO) [State Archive of Administrative Bodies of the Sverdlovsk Region], Ekaterinburg. Stock R1. List 2. Dos. 17005 – Sudebno-sledstvennoe delo A. G. Popova (Malen'kogo) [Forensic case of A. G. Popov (Malenkiy)].

Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (GASO) [State Archives of the Sverdlovsk Region], Ekaterinburg. Stock R561 – A. G. Korevanova.

Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsy Sverdlovskoy oblasti (TsDOOSO) [The Documentation Centre of Public Organizations of Sverdlovsk Region]. Ekaterinburg. Stock 4 (Sverdlovsk Regional Committee of the CPSU, 1917–1991).

Сведения об авторе

Веселкова Наталья Вадимовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

vesselkova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-0855-8901

Information about the Author

Natalia V. Veselkova – Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Applied Sociology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin” (Ekaterinburg, Russian Federation)

vesselkova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-0855-8901